

Николая Николаевича Озерова, которому одиннадцатого декабря исполняется 70 лет, пожалуй, знают все. Ну а я знаком с ним уже более тридцати лет. Еще когда он выступал на корте как чемпион страны по теннису, я время от времени бывал на этих состязаниях. Ходил на спектакли с его участием в МХАТ. А позже мы с Озеровым не раз работали на чемпионатах мира по хоккею и крупных хоккейных соревнованиях в Канаде и США — он как комментатор всесоюзного гостелерадио, а я — как корреспондент ТАСС.

Помнится, мы жили в Монреале в роскошном отеле. До матча оставалось дня два. Погода была плохая. Давала себя знать разница во времени между Москвой и Монреалем — восемь часов; днем хотелось спать. И мы с Озеровым не выходили из номера. Горничная наемкнула раз, другой — господи, надо выйти, а ей убрать в номере. Но мы ее не послушали. И тут молодая негрятка (как позже мы узнали, ее отцом был украинец) заговорила на понятном нам языке: «Хлопцы, тикайте, я буду работать». Мы немедленно покинули номер.

Николай Николаевич очень любит смешные истории: некоторые из них я записал.

Медведев — 1991 — дек. 11 (49) — С. Владимир ДВОРЦОВ.

БЕНЕФИС В ЮБИЛЕЙНЫЕ ДНИ

Рассказывает

Николай ОЗЕРОВ:

С известной советской теннисисткой, а ныне тренером Ниной Нифонтовой-Зигмунд, мы вышли в финал всесоюзного теннисного турнира «Спартака» (было это вскоре после войны). Нашими соперниками были Клавдия Борисова и муж Нины, мой большой друг Зденек Зигмунд.

Поначалу игра у нашего дуэта не клеилась. Соперники на сей раз были явно сильнее и удачливее. И вдруг в пылу борьбы Зигмунд пробил с лёта прямо в супругу.

Удар был не очень сильный, но Нина обиделась. Она подошла к сетке и сказала:

— Ну погоди, мерзавец, я с тобой дома поговорю!

В той ситуации это было смешно. Я повернулся к арбитру на линии и крикнул: «Все, мы выиграли!» И действительно, дальше Зигмунд, отличный теннисист и мужественный хоккеист, подбрасывал мяч мне, а его выбивал, а потом он сказал: «Коля, зачем мне неприятности, приз все равно идет в семью». Обижена была только Клавдия Борисова.

Заслуженный мастер спорта Сергей Сальников, в прошлом футболист московского «Спартака» и сборной страны, отличался своей филигранной техникой. Сережа любил на тренировках работать с мячом. И в свободное время, помимо тренировок, тоже с удовольствием занимался жонглированием.

И вот «Спартак» приехал в Бразилию.

— Однажды в Рио-де-Жанейро, — рассказывал уже в Москве Сальников, — встал я пораньше и пошел на знаменитый пляж Копакабана. Взял с собой мяч. Сделал зарядку, искупался и давай жонглировать. Подошли ребятишки. Один негренок такой ловкий оказался — все, что я ни делаю, повторяет.

Знакомый журналист в разговоре с Николаем Тимофеевичем Деметьевым, в ту пору одним из тренеров «Спартака», пересказал этот случай и спросил: не преувеличивает ли Сальников?

— Нет, все верно, — ответил Деметьев, — только он самого интересного не рассказал. Потом мальчик стал показывать ему свои номера с мячом, а Сальников повторить их не смог...

В свое время в Московском художественном театре имени Горького я играл роль Хлеба в пьесе-оказке Метерлинка «Синяя птица». Роль чудесная. Роль прекрасная. Хлеб любят дети, он веселый, жизнерадостный, в общем играть его приятно и смотреть на него тоже. Но не все было хорошо. Когда меня ввели в спектакль Художественного театра, то старики, игравшие эту роль, отказались играть дальше. Почему? Дело в том, что в этой роли надо было носить ватные «толщинки» весом в 16 килограммов. Для спортсмена, а тем более теннисиста, поносить эти тяжеловесные «ватники» было полезно — я худел за спектакль килограмма на полтора.

Но «Синяя птица» всегда шла в воскресенье, а в воскресные дни всегда проводились самые главные соревнования, вот и приходилось, бывало, играть сначала Хлеб, а потом — финал первенства Совет-

рел меня врач, прописал воды, а потом говорит:

— Надо вам похудеть. Вы играете в теннис?

— Немного, — поскромничал я.

— Вот и хорошо, посоревнуетесь с отдыхающими, а если покажете себя на кортах хорошо, может быть, в конце месяца с вами захочет сыграть наш главный врач, известный чехословацкий теннисист доктор Михалик.

Надо ли говорить, что покой мой был нарушен. Я мечтал теперь только об одном: сразиться с доктором Михаликом. Выиграю или нет? Или гожусь только пить целебную воду?

ходе матча, но это ему не удалось. И он проиграл с разгромным счетом — 0:6, 0:6.

Чтобы хоть немного успокоить расстроенного соперника, я тут же извинился за то, что экс-чемпион СССР по теннису не представился сразу.

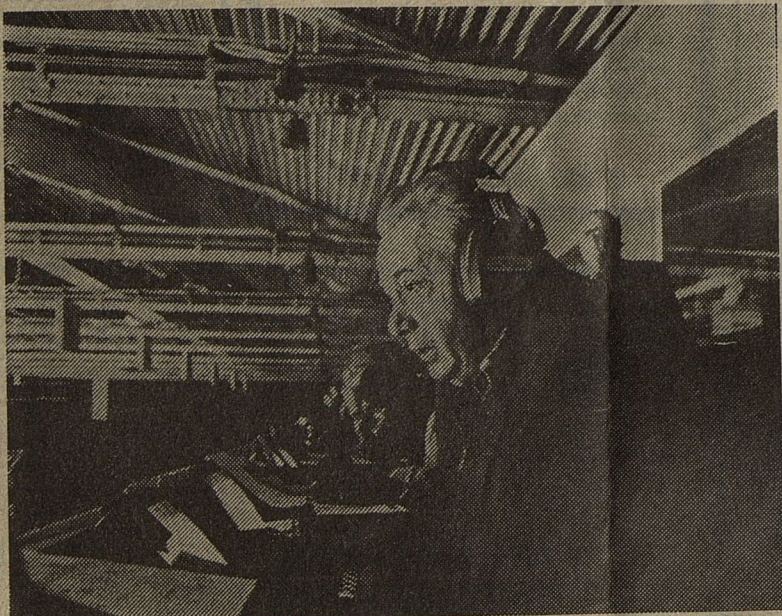
Возвращаясь из Ирландии, транслировал футбольный матч, встречают нас в Шереметьеве, скорей, скорей, надо срочно выступить в программе «Время».

Что такое? В Москве кто-то пустил слух: умер Озеров. Надо срочно выступить в программе «Время», чтобы прекратились все эти разговоры.

Ну раз надо, значит, надо. Привезли на программу «Время», спорт всегда в конце, после какой-нибудь театральной премьеры или репортажа с художественной выставки. Сидим, Кириллов, Бодрова и я, смотрим репортаж из домика Островского. Следующий — спорт. Кончается репортаж из домика Островского, Нонна Бодрова включает микрофон и говорит: «Со спортивными новостями вас познакомит Николай Островский». Я думал, что умру. От смеха. Едва-едва удалось сдержаться...

Семьдесят лет — это солидный возраст, но не для Николая Николаевича Озерова. Он по-прежнему на высоте: председатель возрожденного спортивного общества «Спартак», своя «фирменная» радиостудия... Доброго здоровья вам, Николай Николаевич, чтобы еще долго-долго вы радовали своих многочисленных почитателей!

ского Союза. Такую вот фору я давал своим соперникам. Однако это не мешало завоевывать и титул чемпиона.

А на сцене бывали и смешные оговорки, так, когда в первой картине раздается стук и родители должны войти в комнату, все души пытаются убежать, скрыться. Такой начинается переполох, и мой Хлеб должен сказать: «Я не могу скрыться, здесь моя квашня». А роль Огня играл знаменитый теперь Игорь Кваша, народный артист России, артист театра «Современник». Тогда молодой артист Кваша. И я оговорился, сказав не «моя квашня», а «моя Кваша». И тут на сцене раздался взрыв смеха. Лишь только придя в себя, артисты смогли возобновить игру...

В первые послевоенные годы мне часто приходилось бывать в подмосковном дачном поселке Тарасовке, на спортбазе «Спартака», где проходили тренировочные сборы перед ответственными соревнованиями.

В ту пору не было популярных соревнований мальчишек — розыгрыша приза «Кожаный мяч». А играть в футбол тарасовские ребятки любили, и, конечно, очень хотелось им выступить в каком-нибудь официальном соревновании.

Вот такой турнир дворовых футбольных команд Тарасовки и организовали мы — теннисисты «Спартака». (Кстати, некоторых из его участников я потом встречал в командах классов «А» и «Б»). Затея ребятам понравилась, и все шло как по маслу.

Решающую, финальную, встречу мы, организаторы ребячьего турнира, хотели провести особенно торжественно. Наша теннисистка Клавдия Борисова написала текст, а известный композитор и теннисный болельщик Юрий Левитин сочинил музыку приветственного марша. Я же взялся «организовывать» на этот матч гремевшего на всю страну судью всесоюзной и международной категории Николая Латышева.

Вот с последним-то мы явно переборщили. Когда после музыкального приветствия на поле в полной парадной судейской форме появился Николай Гаврилович, ребята не спускали с него глаз. Играть они уже по-настоящему не могли...

Приехал я отдыхать на знаменитый чехословацкий курорт Карловы Вары. Как полагается здесь, осмот-

А главному врачу совсем не улыбалось играть с тучным иностранным радиокомментатором. Как тактичный человек, он не отказывался от матча, но всеми способами увиливал от него. Наконец мне удалось заманить Михалика на площадку. Доктор явно недооценил толстяка. Он пытался перестроиться в

108